

Г. А. Гребенщикова

**«СТРАННО И НЕПОСТИЖИМО,
ЧТО АДМИРАЛ ЧИЧАГОВ НЕ ИДЕТ КО МНЕ НА ПОМОЩЬ»
(К вопросу о действиях главнокомандующего флотом
в войне России со Швецией в 1788–1790 годах)**

В царствование Екатерины II Российская империя выдержала две тяжёлые войны — с Турцией на Чёрном море и со Швецией на Балтике в 1787–1791 и 1788–1790 гг. соответственно. Ведение боевых действий на двух театрах одновременно зачастую ставило державу на грань катастрофы, но Россия выстояла, а на Чёрном море благодаря таланту и военноморскому искусству адмирала Ф. Ф. Ушакова одержала блестящие победы, в результате которых подписала мир с Турцией на выгодных условиях, удержала Крым и приобрела новые земли. Но совершенно противоположная ситуация сложилась на Балтике, когда главнокомандующий флотом адмирал В. Я. Чичагов не реализовал имевшегося у него значительного преимущества над шведами по боевой силе, проявил нерешительность и — прямо говоря — преступную пассивность. Он сказывался больным в то время, когда ему следовало активно воевать, уклонялся от сражений и отстаивался на якорях, ссылаясь на мели и мелководье. В течение трёх лет произошло пять сражений корабельных эскадр — Гогландское, Эландское, Ревельское, Красногорское и Выборгское, но в Гогландском и Красногорском В. Я. Чичагов участия не принимал, в Эландском уклонялся от баталии на ближних дистанциях и фактически проиграл сражение, бой под Ревелем принял на якорь, позволив шведам свободно войти в Финский залив, а под Выборгом стоял на дальних дистанциях, выпустив из залива огромный парусно-гребной флот противника во главе с королём.

Вторжение шведов в пределы Российской империи произошло не случайно и не спонтанно: тому предшествовали особые причины и обстоятельства. Шведский король Густав III начал основательную подготовку к войне с державой, которой управляла его двоюродная сестра

российская императрица Екатерина II, ещё с конца 1770-х гг. Отец Густава III шведский король Адольф I Фредрик — бывший Голштинский (Голштейн-Готторпский) герцог и епископ Любский, приходился родным братом матери Екатерины II княгине Ангальт Цербстской Иоганне-Елизавете и был женат на родной сестре прусского короля Фридриха II Луизе Ульрике фон Гогенцоллерн.

Густав III вынашивал планы поквитаться с Россией за крупный проигрыш в Северной войне его предшественников на троне с момента вступления на престол в 1772 г., но в тот, начальный период правления Густава от столь необдуманного шага его удерживал великий дядя — прусский король Фридрих II. Обладая огромным политическим опытом и проведя большую часть жизни в военных походах, Фридрих убеждал племянника не совершать необдуманных поступков и предсказывал ему большие затруднения в будущем, если он не умерит своих амбиций. А Екатерина II в свою очередь, просила вице-канцлера И. А. Остермана предупредить шведского посланника барона И.-Ф. Нолькена, что «ежели шведскому королю придет охота пощипаться с Россией, то она не останется у него в долгу»¹.

Но желание «пощипаться с Россией» у шведского короля не исчезало, и мудрым советам Фридриха Великого он внимал не долго. В конце 1770-х гг. Густав вплотную приступил к реформированию вооружённых сил и наращиванию военной мощи Швеции. В тот период на главной кораблестроительной верфи в Карлскроне много и продуктивно трудился корифей шведского судостроения Фредерик Генрих Чапман, поставляя королевскому флоту первоклассные корабли и фрегаты. Так, по программе 1782 г. шведы строили корабли 64-пушечного ранга большего водоизмещения, чем российские мастера строили 66-пушечные. А шведские фрегаты 40-пушечного ранга были длиннее российских такого же ранга на 10 футов (3,05 м), и вооружали их крупнокалиберной артиллерией — 24-фунтовыми короткими пушками, а при необходимости ставили на открытой палубе 12-фунтовые вместо 6-фунтовых. Во время боевой кампании такие фрегаты могли нести до 50 орудий; их проектирование и постройка обуславливалась целями будущей службы — согласно стратегической концепции развития военно-морских сил и принятой наступательной доктрине. Такие фрегаты предназначались к построению в боевую линию (линию де баталии) вместе с кораблями для усиления плотности огня и увеличения массы выбрасываемого металла в снарядах с одного борта, поэтому фрегат на любой фазе боя мог заменить вышедший из строя корабль.

Замысел Чапмана в отношении проекта линейного фрегата чётко отразился в его высказывании: «Фрегаты имеют только одну батарею.

На сей батарее ставят пушки того же калибра, как у двухдечных кораблей на втором деке. Батареи больших фрегатов имеют в постановлении не более 15 пушек с одного борта; большие фрегаты должны иметь батарею выше от воды, нежели линейные корабли, для того, чтобы её открывать в том случае, если линейный корабль не сможет открыть нижних портов и вынужден будет действовать только верхними пушками. Поэтому на крупных фрегатах вся команда должна жить на нижней палубе, а значит вся провизия, канаты и прочие принадлежности должны помещаться в трюме»². Следуя такой концепции, мастер достиг удачного компромиссного варианта, и полученное им инженерное решение впоследствии позволило главнокомандующему шведским флотом ставить фрегаты в линию баталии вместе с кораблями. Но стоит подчеркнуть, что Чапман никоим образом не рассматривал фрегат с одной орудийной батареей и артиллерией главного калибра — 24-фунтовыми пушками как полный аналог корабля. По массе выбрасываемого металла в снарядах линейный корабль с двумя закрытыми батареями всегда превосходил фрегат.

Согласно принятой программе, с 1782 по 1785 г. Ф. Чапман построил десять тяжёлых фрегатов — «Bellona» (головной), «Minerva», «Venus», «Diana», «Froja», «Thetis», «Camilla», «Galathea», «Euredice» и «Zemire». Их длина составляла 150 футов (45,72 м), ширина без обшивки — 39 футов (11,89 м), глубина интрюма — 16 футов (4,88 м). Артиллерийское вооружение состояло из 26 24-фунтовых коротких пушек облегчённой конструкции в деке (на оба борта) и 14 6-фунтовых пушек на квартердеке и форкастеле. Экипаж составлял 342 человека³. Среди перечисленной серии особенно выделялся фрегат «Venus» постройки Ф. Чапмана, ставший военным трофеем россиян. Мастер применил тогда все новейшие достижения и разработки, с учётом предыдущего опыта, и его труд вполне оправдался. «Venus» отличался добротностью и качеством постройки, устойчивостью, отличной маневренностью и управляемостью, мореходностью и скоростью хода.

Об этих и других новостях из Стокгольма и в целом об обстановке у северных соседей в Зимнем дворце узнавали из дипломатических депеш, из перлюстрированной почты шведского посланника в Петербурге барона А.-Г. Нолькена и из поступавшей к нему корреспонденции из Швеции. Так, в письме Нолькену из Стокгольма от 2 (13) мая 1785 г. содержалась информация о предстоявшей инспекционной поездке короля на смотр двух конных полков, которые «будут производить военные экзерции». Затем Густав III намеревался выехать в Карлскрону, «чтоб обозреть флот и верфь, а после отправиться в Финляндию, где лагерь из 5000 человек войск будет». Посетив заодно Свеаборг, король в начале июня выехал «к финляндской эскадре осматривать армейский флот, по-

полнившийся судами новой конструкции — туремы, удемы и поемы, под начальством обер адмирала графа Эренсверда». В присутствии короля эскадра совершала маневры и эволюции и получила одобрение короля⁴. В состав армейского флота шведов входила галерная флотилия (32 единицы), базировавшаяся на Гельсингфорс и Стокгольм. Согласно шведской статистике, на начало 1788 г., в Карлскроне числилось 26 линейных кораблей 70- и 64-пушечного рангов⁵. Все шведские корабли и фрегаты по артиллерийскому вооружению отличались компактностью установки орудий и упорядоченностью калибров, в результате чего при стрельбе шведы достигали высокой огневой плотности.

В отличие от Швеции, для России открытие кампании на Балтике стало неожиданностью: Санкт-Петербург не планировал воевать со шведами и к той войне не готовился. С начала 1780-х гг. Кабинет Екатерины II целенаправленно занимался разработками в области глубокой стратегии в средиземноморском направлении, и в отношении главного потенциального противника на юге — Османской Порты (Турции) принял наступательную военную доктрину. Разработчиками доктрины являлись высшие сановники империи и военные деятели: адмирал С. К. Грейг, граф А. А. Безбородко, светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический, граф П. А. Румянцев-Задунайский и другие. Доминирующей концепцией новой доктрины стало осуществление Второй экспедиции Балтийского флота в Средиземное и Эгейское моря и вторжение в пределы Османских владений в случае войны с Турцией. После прихода флота в греческий Архипелаг предполагалось поднять мятеж среди христианских подданных султана и ослабить Турцию изнутри; важным пунктом предстоявшей масштабной операции являлся захват Дарданелл силами флота и десантных войск. Стержневая идеологическая составляющая замысла Екатерины II сводилась к выполнению хорошо известного в историографии «Греческого проекта», направленного на возрождение сильной Византийской империи под скипетром Российской державы, с воцарением на константинопольском престоле своего второго внука Константина Павловича. Начав подготовку флота к походу в Средиземное и Эгейское моря, в Санкт-Петербурге конечной целью ставили выведение Турции из числа потенциальных противников — так, чтобы у османов уже не оставалось возможностей и ресурсов для представления перманентной угрозы России. Санкционируя захват Черноморских Проливов, чтобы продиктовать султану условия России, Екатерина II намеревалась осуществить это с двух сторон — со стороны Мраморного моря силами балтийских эскадр и со стороны Чёрного моря, на что нацеливала создававшийся Черноморский флот. В 1780-х годах в Херсоне развернулось строительство первых линейных кораблей, предназначенных для службы

на Чёрном море, а на верфях Хопра строили линейные фрегаты — также для Чёрного моря⁶.

Екатерине II прочным гарантом для успешной реализации основных геополитических и стратегических проектов служило вхождение Крыма в состав Российской империи и создание в Севастополе базы Черноморского флота. Но крайне негативная реакция Высокой Порты на приобретение Россией Крымского полуострова побудила российское руководство поторопиться с практической реализацией средиземноморского похода. В Зимнем дворце понимали, что в создавшейся обстановке чрезмерного обострения отношений с Османским Портой вторая война с турками неизбежна, поэтому в Кронштадте к дальнему вояжу в Средиземное море приступили к подготовке балтийской эскадры из 15 линейных кораблей, шести фрегатов, двух бомбардирских и нескольких транспортных судов. В состав эскадры включили три корабля 100-пушечного ранга — самых мощных на тот период линейных кораблей с высоким уровнем боевых возможностей, специально спроектированных применительно к службе в Средиземном море. Корабли получили наименования в честь своих героических предшественников, принимавших участие в Чесменском сражении русского флота с турецким в июне 1770 года: «Трёх Иерархов», «Саратов» и «Иоанн Креститель» («Чесма»). Главнокомандующим морскими силами Екатерина II назначила адмирала С. К. Грейга; ему ставилась задача обойти с флотом вокруг Европы и выйти в Средиземное и Эгейское моря, в тыл противнику. Затем, уничтожив турецкие эскадры, подойти к Дарданеллам и начать операции совместно с Черноморским флотом, который будет действовать со стороны Босфора.

Важно подчеркнуть, что для операций на Балтике специально проектировали и строили корабли, также несущие по 100 орудий, но осадку которых, нагрузку, водоизмещение рассчитали уже соответственно глубинам Балтийского моря, меньших по сравнению со средиземноморскими. Морские державы на протяжении всего XVIII века отдавали предпочтение строительству кораблей 100-пушечного ранга как самых мощных в ту эпоху. По боевым возможностям и суммарной силе бортового залпа эти корабли значительно превосходили 66-, а затем и 74-пушечные, из которых начальствующие эскадрами или флотами традиционно выстраивали линии баталии. С появлением во флотах 100-пушечников, их начали ставить в линию вместе с кораблями 2-го ранга — так, чтобы стоявшие в авангарде, кордебаталии или арьергарде корабли обладали примерно равной остойчивостью, чтобы качка одного не вызывала сильного волнового резонанса у стоявшего рядом другого, а орудия нижней батареи могли бы действовать с равной эффективностью. За счёт установки в нижних орудийных батареях артиллерии главного калибра —

36-фунтовых орудий, 100-пушечные корабли отличались высокой огневой плотностью и представляли для неприятелей грозную ударную силу. Исходя из обстановки на театре военных действий, им ставились задачи обороны, нападения, сопровождения торговых судов или транспортных конвоев. Иногда, действуя малыми тактическими группами, куда входил 44- или 36-пушечный фрегат, но чаще только в тандеме с 74-пушечным кораблём, 100-пушечный корабль успешно выполнял поставленные задачи и сосредоточенным огнём поражал даже превосходящего в силах противника. А находившийся с ним в крейсерском тандеме корабль 2-го ранга (или фрегат) за счёт преимущества в таком важном тактическом элементе, как скорость хода, предназначался для погони за неприятельскими судами.

В XVIII веке наличие в составе флотов морских держав Европы кораблей 100-пушечного ранга свидетельствовало о потенциальных возможностях государств, включая экономические, финансовые и промышленно-технические, и являлось одним из главных условий причисления державы к числу ведущих. В России начиная от правления Петра Великого до воцарения его дочери Елизаветы Петровны строительство 100-пушечных кораблей происходило по одному в царствование — настолько сложным, дорогостоящим и трудоёмким по всем затратам (материальным и людским — рабочей силы, строевого леса, железа, парусных полотен и др.) считался этот процесс. В период пребывания на престоле императрицы Екатерины II таких кораблей построили восемь, и они составили боевое ядро Балтийского флота в ходе войны со Швецией в 1788–1790 гг.

Несмотря на поступавшие из Стокгольма сведения о военных приготовлениях шведов, Екатерина II всё же не ожидала нападения от «братца Густава», тем более что никакой откровенной вражды от него не ощущала. Наоборот, из перлюстрированной корреспонденции явствовало, что Густав III постоянно отсылал своему представителю в Санкт-Петербурге барону А.-Г. Нолькену рескрипты с предписанием выказывать «верную дружбу Ея Императорскому Величеству и Российскому Двору», что Нолькен добросовестно и выполнял⁷. Более того, даже в преддверии войны, до конца апреля 1788 г. шведский дипломат работал в прежнем ритме, посещал официальные мероприятия при Дворе, присутствовал на светских раутах и особенно на большом приёме в Зимнем дворце 21 апреля по случаю дня рождения Екатерины II. Как представляется, такое поведение шведского короля в отношении российской императрицы объяснялось завуалированностью его истинных намерений, ведущих к наращиванию военного потенциала и внезапному нападению на Россию. И Екатерина II действительно потеряла бдительность, не ве-

рила в то, что Густав нападёт на неё, называла его безумцем и продолжала готовить флот и войска к военным действиям с Османской империей, разрыв с которой с каждым годом становился неизбежным. И лишь когда с мая 1788 г. в Стокгольм потекли длинные шифрованные реляции Нолькена, к цифровому коду которых сотрудники коллегии Иностранных дел не смогли подобрать ключи, то Екатерина осознала справедливость обвинений в адрес короля, а лишним доказательством намерений Густава служили поступавшие в Санкт-Петербург донесения российских и датских офицеров об интенсивной подготовке шведов к войне. Сам Густав III поступил расчётливо — в мае 1788 г. направил Нолькена уведомление о его отставке, которой Нолькен давно добивался, после чего привёл в действие задуманный план блицкрига⁸.

В сентябре 1787 г. турецкий султан Абдул-Гамид объявил России войну, на что Екатерина II ответила манифестом от 7 (18) сентября о войне с Оттоманской Портой. 20 октября 1787 г. последовал её указ в Государственную Адмиралтейскую коллегию: «Для отправления в Средиземное море приготовить и вооружить кораблей стопушечных три, семидесяти четырехпушечных семь, шестидесяти шестипушечных пять, бомбардирских два и шесть фрегатов. При сей части флота Нашего иметь восемь катеров, шебек или подобных сему роду судов вместо пакетботов, для всяких нужных посылок, тако ж потребное число гребных судов для перевозки войск и в случае поисков над неприятелем, и еще два госпитальных корабля»⁹. Главнокомандующим морскими и сухопутными силами в Средиземном море Екатерина II назначила адмирала С. К. Грейга. Для защиты акватории Балтийского моря и Финского залива предполагали оставить 10 кораблей, четыре фрегата и несколько лёгких парусно-гребных судов для крейсирования на мелководных участках. Для операций в шхерах Екатерина II приказала держать в полной готовности до пятидесяти галер¹⁰.

К началу боевых действий союзными России державами оставались Австрия и Дания, однако в Санкт-Петербурге понимали, что полностью рассчитывать на Данию как на «державу робкую», испугавшуюся «в полную мочь» выступить на стороне России против Швеции, нельзя.

С открытием навигации в Балтийском море капитаны иностранных купеческих судов часто замечали шведские военные корабли, выходявшие на практические плавания и производившие усиленную артиллерийскую подготовку. Российский посланник (полномочный министр) в Стокгольме А. К. Разумовский секретными депешами и реляциями извещал руководство о намерении шведов, прилагая записки с наблюдениями русских офицеров в Швеции о концентрации крупных сил шведского флота в главной военно-морской базе Карлскруне. А в самом Стокгольме при открытии в Риксдаге (Сенате) сессии Чрезвычайного Собрания король

для обоснования мотивов нападения на Россию пафосно объявил «опасность от России»¹¹. По шведской конституции королю запрещалось вести наступательную войну, поэтому Густав III понимал: без крайней необходимости парламент и сословия не одобряют развязывания войны против России и не поддержат его.

К середине мая 1788 г. в Кронштадте завершили подготовку флота и войск, и корабли готовились выйти на рейд, но долго и тщательно готовившаяся экспедиция не состоялась. Шведский посол в Лондоне собрал дипломатический корпус и сделал официальное заявление о вооружении Швецией 12 линейных кораблей, которые вместе с положенным числом фрегатов скоро выйдут в море. Посол пояснил: это проводится в ответ на активные военные приготовления России в Кронштадте¹². В результате оперативно-стратегические планы Санкт-Петербурга претерпели изменения и включили меры обороны на случай вероятной войны, хотя, стоит подчеркнуть, что несмотря уже на явную угрозу со стороны шведов, Екатерина II не верила в вероятность их нападения, что стало её крупным политическим просчётом.

5 (16) мая генерал-адмирал флота великий князь Павел Петрович направил адмиралу С. К. Грейгу распоряжение — разработать систему заграждений в акватории между Кронштадтом и Лисьим Носом, «чтоб оный пролив для иностранцев был непроходимым», а «свои суда могли проходить». По мысли Павла, средствами для этого могли бы стать особые «эстакады», а на глубинах — затопление старых и неспособных к плаванию судов при оставлении проходов, «известных для своих»¹³. Несколько дней спустя Павел известил Грейга: «Присланный от вас, Самуил Карлович, план проливов около Кронштадта и чертежи батареи со сметой представлены мною Ея Императорскому Величеству»¹⁴. Для ускорения кораблестроительных работ к Главному Адмиралтейству стали приписывать «обывателей из татар», которые населяли многочисленную Казанскую слободу в столице. Других таких же «обывателей из татар» стали из Санкт-Петербурга отправлять в Казанскую и Орловскую губернии на сезонные заготовки строевого леса, а в обмен на это представители всех гильдий казанского купечества, владельцы промыслов, мыльных и кожевенных заводов получили право льготной торговли на выгодных условиях.

25 мая 1788 г. российское руководство приняло решение о подготовке и вооружении эскадры «для охранения Балтийского моря», которая так и стала называться — Балтийская; её усилили пятью кораблями из состава эскадры, назначенной в Средиземное море, а к осени предполагался приход на Балтику ещё пяти кораблей из Архангельска¹⁵. Командование эскадрой для охраны Балтийского моря Екатерина II вверила адмиралу В. Я. Чичагову.

С каждым днём события принимали стремительный оборот. 25 мая 1788 г. шведский флот в составе 12 линейных кораблей и фрегатов под командованием родного брата короля генерал-адмирала герцога Карла Зюдерманландского вышел из Карлскруны. Однако Екатерина II, несмотря на явную угрозу войны, 5 июня при поддержке адмирала С. К. Грейга приказала вице-адмиралу В. П. Фондезину следовать с эскадрой к Зунду. Под командование В. П. Фондезина поступила первая архипелагская эскадра в составе трёх 100-пушечных кораблей — «Трёх Иерархов», «Саратова» и «Иоанна Крестителя» («Чесмы»), одного фрегата и нескольких транспортных судов. На эскадре находилось 500 человек сухопутных войск, которые вместе с личным составом составили боевую силу в количестве примерно 4 тысяч человек. В. П. Фондезин получил приказ дожидаться в Копенгагене подхода второй эскадры адмирала С. К. Грейга с оставшимся примерно равным количеством морских и сухопутных сил, выход которой из Кронштадта планировался позже, и соединённо следовать далее. Впоследствии Грейг пожалует о таком крупном просчёте, как разделение сил. Как представляется, большую роль в принятии решения об отправлении значительного военно-морского контингента в Эгейское море сыграло огромное желание императрицы и самого Грейга нанести Османской империи непоправимый урон, после которого она уже не сможет оправиться, захватить Проливы и утвердиться на Чёрном море.

Тем временем обстановка на Балтике осложнялась, и в связи со шведской угрозой, 15 июня 1788 г. Кабинет Екатерины II принял решение: «Небезопасно будет для пределов здешних отпустить флот в Средиземное море»¹⁶. Через день, 17 июня, императрица направила С. К. Грейгу именной рескрипт: для крейсирования и охраны берегов Балтики отправляться с флотом к Ревелю и ждать там дальнейших указаний. При встрече со шведскими военными судами избегать «всего того, к чему они могли бы придраться», но при явно возникшей необходимости «защищать честь флага Российского»¹⁷. В случае начала боевых действий Екатерина II предписала адмиралу В. Я. Чичагову выйти на поиски флота противника, соединиться с Грейгом и совместными силами атаковать и разбить шведов.

Таким образом, можно считать, что 17 июня 1788 г. руководство России сформировало новую позицию по военно-стратегическим вопросам, а С. К. Грейг принял меры тактического характера и с 8 по 12 июня выслал в крейсерство несколько разведывательных фрегатов. Командир одного из них — фрегата «Мстиславец» 17 июня 1788 г. доложил Главному командиру Ревельского порта генерал-майору Б. И. Воронову: «Сего месяца 13 дня повстречалась мне шведская эскадра в числе семнадцати военных

судов, которую я с порученным мне фрегатом преследовал, примечая их движение». Эти сведения подтвердил командир фрегата «Гектор» капитан-лейтенант И. Колокольцев: «В данной мне от господина адмирала Самуэля Карловича Грейга инструкции о крейсировании на вверенном мне фрегате между Стокгольма и Гангута для наблюдения и примечания движения шведских морских и сухопутных сил предписано: в случае, когда повстречаются со мной шведские военные суда и будут приближаться в близость берегов, принадлежащих Российской Империи, то немедленно об оном дать знать... Достигнув высоты Дагерортского мыса 13 числа сего месяца в исходе бога часа пополудни, увидел в мрачном горизонте до 14ти больших судов, к которым по способности тогдашнего ветра стал приближаться»¹⁸. Через некоторое время шведы — ещё до объявления войны — захватили в море эти два фрегата — «Гектора» и «Ярославца» и ввели в состав своего флота под теми же наименованиями.

А Густав III, дождавшись из Константинополя крупной финансовой поддержки, поспешил без объявления войны совершить нападение на Россию, а заодно и сорвать поход Балтийского флота в Средиземное море, в тыл Османской империи. Тем самым «братец Густав» вынудил свою кузину Екатерину II вести войну одновременно на двух театрах — на северо-западе и на юге.

Стоит отметить, что с открытием кампании война на море приняла у шведов наступательный характер. Король преследовал цель взять реванш за прошлые потери, овладеть всей Финляндией и прибалтийскими территориями — Эстляндией, Лифляндией и Курляндией, с последующим захватом Санкт-Петербурга, а если этого не получится, то запереть, наголову разбить русский Балтийский флот в Кронштадте. 20 июня 1788 г. на заседании Совета при Высочайшем Дворе состоялось обсуждение очень важной записки гофмейстера Двора Е. И. В. графа А. А. Безбородко с изложением задач армии и флота. Безбородко подчёркивал: сухопутные силы «не могут надёжным образом обеспечить всю нашу границу к стороне шведских областей, ибо войск имеем мы только 13000. Мыслить остается учинить королю шведскому диверсию, к чему удобен вооруженный наш флот». Безбородко предлагал «не теряя времени атаковать» флот противника и высадить сухопутные войска на шведские берега, что вынудит короля перебросить большую часть своей армии из Финляндии на отражение русского десанта, за счёт чего облегчится оборона в Финляндии. «А сверх того, — говорил Безбородко, — берега Эстляндские и Финляндские самым прибытием флота нашего в Балтийское море обеспечены будут».

Из-за малочисленности сухопутных сил, задействованных на театрах войны с турками и назначенных в Средиземное море, первенству-

ющая роль отводилась Балтийскому флоту, причём на начальном этапе ему ставились задачи наступательного характера. По плану Безбородко, адмиралу Грейгу следовало соединиться с эскадрой адмирала Чичагова «и идти прямо искать неприятельского флота, атаковать оный, а если Бог поможет, разбить его, преследовать до самой Карлскруны, стараясь не только суда шведские истребить, но и самый город Карлскруну, и в нем адмиралтейские и другие строения, заведения и запасы разорить до основания». Совет постановил предоставить Грейгу возможность действовать самостоятельно, особенно если потребуются «произвести поиски и на другие прибрежные места». Если три 100-пушечных корабля уже миновали Датскую проливную зону, говорил Безбородко, то они будут действовать соединённо с морскими и сухопутными силами Дании, в том числе «пуститься на Готенбург» (Гётеборг). Но в том случае, если 100-пушечники не успели пройти Зунд, то надо предписать им вернуться обратно для усиления флота¹⁹. Совет принял такой план.

На том этапе Балтийскому флоту назначалось не только активно вести боевые операции, но и наносить противнику наибольший урон путём нападения на военно-морскую базу Карлскруну с целью разрушения там инфраструктуры и системы жизнеобеспечения флота, и нападением на крупный торговый порт Гётеборг, поскольку на этот порт приходилась значительная доля коммерческого судоходства с высоким процентом морских грузоперевозок, в основном строевым лесом и железом. Поэтому ликвидация тыловой базы шведов и разрушение их торговли одновременно с операцией против Карлскруны были решением правильным и своевременным, для чего вполне хватало сил и средств, особенно в случае усиления российского флота датскими кораблями и мелкосидящими судами для прибрежных операций. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии Иван Григорьевич Чернышев уведомил А. А. Безбородко: «Карты Готенбурга и Карлскруны в Адмиралтействе есть, и думать надо, верные, ибо сняты были посланными флота офицерами в 1784 г. по именному указу, которые завтра и пошлю дабы исполнить скорее высочайшее повеление²⁰.

21 июня 1788 г. в Зимнем дворце получили информацию из Стокгольма об объявлении циркулярной королевской нотой от 16 числа российского дипломата А. К. Разумовского персоной *non grata* с требованием в течение восьми дней покинуть столицу Швеции. Ответную ноту с такими же требованиями и сроками выехать из российской столицы направили шведскому посланнику А.-Г. Нолькену, который под датой 23 июня отослал королю последнюю зашифрованную реляцию. В связи с изменившимися военно-политическими обстоятельствами Екатерина II назначила С. К. Грейга командующим морскими силами на Балтике; адмирал

В. Я. Чичагов поступал под его начальство с приказом поспешить выйти к Ревелю для обеспечения охраны Балтийского моря.

Но Чичагов не торопился выполнять высочайший указ, и по этому поводу историк В. Ф. Головачёв заметил: Чичагову «как старшему его [Грейга] по службе, для соблюдения приличия пришлось сказатьясь больным». Иными словами, В. Я. Чичагов не захотел воевать под началом С. К. Грейга, «сказался больным» и остался в Кронштадте. В. Ф. Головачёв рассуждал: «Василью Яковлевичу в момент назначения командующим было 63 года. Он был хорошим капитаном и хорошим начальником эскадры в мирное время, когда можно было спокойно расставлять корабли. Но он ни разу не был, во всю свою жизнь, в действительном сражении, и на 64 году своей жизни ему было трудно изучать сумятицу боя и все страсти, волнующие человека во время кровопролития»²¹. Говоря современным языком, В. Я. Чичагов не имел опыта ведения боевых действий, и вся его морская практика сводилась к учебным плаваниям балтийских эскадр в мирное время.

Документы свидетельствуют, что в кампании 1788 г. В. Я. Чичагов участия не принял, несмотря на направляемые ему именными указами императрицы. Первый рескрипт ему с изложением предписаний и повелений Екатерины II датирован 30 мая; в рескрипте говорилось: 1. Поспешить с выводом на Кронштадтский рейд пяти кораблей и двух фрегатов, и отправляться с ними к Ревелю. 2. Не допускать высадок шведских десантов в Ревеле или в каком-либо другом порту. 3. Регулярно посылать лёгкие суда для разведывательных операций вдоль побережья Финляндии и наблюдения за передвижениями шведского флота. 4. В случае значительного превосходства сил противника ограничиться охраной побережья и немедленно сообщить об этом в столицу. 5. Держаться в море, насколько позволят обстоятельства, ожидать подхода двух кораблей из Кронштадта и архангельской эскадры²². Но 2 июня в дневнике статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого появилась запись: «Получено известие, что шведский флот показался против Ревеля. Велено понудить Чичагова, чтоб его прогнал». Но «понудить» В. Я. Чичагова не удалось: он попросту не захотел подчиняться С. К. Грейгу и под предлогом болезни не вышел в море.

Второй высочайший указ Чичагову датирован 20 июня 1788 г.: «Назначенная прежде в команду вашу эскадра должна идти к Ревелю, и с флотом под командою адмирала Грейга соединиться; над нею останется контр-адмирал; когда же вы выздоровеете, то отправьтесь в Ревель сухим путем и там ожидайте моих повелений»²³. Но оба указа императрицы Чичагов не выполнил, причём проигнорировать их он, безусловно, не мог, поэтому и «сказался больным», о чём доложил во дворец. В этом контексте

сте важно обратить внимание на такой факт: среди многочисленных документов из военно-походной канцелярии Чичагова и из канцелярии И. Г. Чернышева не встретилось ни одного, в котором бы нашлось упоминание о болезни Чичагова. При внимательном изучении рапортов, собственноручно им подписанных и поданных в Адмиралтейств-коллегию в июне — начале июля 1788 г., не встретилось даже намёка о болезни. Скорее, наоборот — из документов явствует, что Чичагов продолжал выполнять свои обязанности, о чём свидетельствуют его рапорта, датированные 14, 19 и 21 июня²⁴. Остаётся также непонятным, почему секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий, заносивший в свой дневник все мелочи, также ни словом об этом не упоминает.

21 июня 1788 г. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин доложил вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву о двух эскадрах — отправляемой в Средиземное море и остающейся на Балтике²⁵: Этот документ подтверждает явное преимущество шведов при открытии кампании из-за ухода значительных сил Балтийского флота. В преддверии войны руководство России и морское начальство принимали меры обороны, и 21 июня вице-адмирал П. И. Пущин доложил в Санкт-Петербург: «По гнилости на Кронштадтских морских крепостях лафетов определил я плотников адмиралтейских починить старые и сделать вновь. Все способы употреблю к скорейшему исполнению». В другом письме Пущин пишет, что бомбардирские корабли «Перун» и «Гром» вооружены, но полностью ещё не укомплектованы людьми, а 24 июня выразил озабоченность в связи с возможной войной, поэтому предложил сформировать не менее трёх батальонов для защиты Кронштадта и островов.

На подступах к Выборгу, Фридрихсгаму и Ревелю (Таллину) выставили брандвахтенные суда, в круглосуточном режиме работали пороховые заводы для бесперебойного обеспечения порохом не только судов флота, но и морских укреплений, крепостей, гаваней и портов. Присупили и к выполнению указа Екатерины II об учреждении маяков от Выборга до Кронштадта — «для осторожности от неприятеля, дабы он мелкими судами не нанес беспокойства берегам нашим». Контроль за сооружением маяков возложили на инженера генерал-поручика А. В. Тучкова²⁶.

Большое оборонное значение имели ремонтные работы в Ревельском порту, начавшиеся ещё весной согласно указу императрицы от 24 марта 1788 г., данного Адмиралтейств-коллегии. В указе подчёркивалось: содержать Ревельский порт «в таком состоянии, дабы в нем некоторое число военных и других судов вмещаться и под надежную обороною пребывание иметь могло». В комплекс работ входило и возведение дополнительных береговых укреплений и батарей, особенно с восточной

стороны; для надзора за выполнением высочайшего указа коллегия командировала в Ревель «человека знающего и надежного», каковым оказался обер-интендант И. Баллей. Коллегия снабдила Баллея «повелением произвести исправление обще» с Главным командиром Ревельского порта генерал-майором Б. И. Вороновым, а генерал-губернатору Рижскому и Ревельскому графу Ю. Броуну рекомендовала оказывать упомянутым лицам всяческое содействие²⁷.

По прошествии трёх месяцев, в течение которых производились работы в Ревельском порту, 4 июля 1788 г. генерал-майор Б. И. Воронов доложил в Санкт-Петербург: «На военной гавани двадцать шесть пушек уже поставлено. Я требовал от здешней артиллерии на сделанную близ военной гавани каменную мортирную батарею поставлять пушки, чтоб весьма была хорошая помощь гавани и вред делать неприятелю, но они отговариваются неимением оных. Однако я еще продолжаю мое требование чрез обер коменданта».

Анализируя предвоенную обстановку в портах, стоит подчеркнуть: морское начальство принимало необходимые меры обороны, и никакой нерадивости или неразберихи не наблюдалось. Необходимо понимать, что Россия готовилась к войне не на Балтике, а на другом театре, в Средиземном море, для чего вооружила и подготовила сильную эскадру. Артиллерия всегда оставалась вещью дорогостоящей, а с учётом двух факторов — функционирования только одного пушечного завода под Петрозаводском и доставок пушек карронского литья из Шотландии можно говорить лишь о трудностях в снабжении флота морскими орудиями. Вот документ полностью, не в урезанном виде, свидетельствующий о напряжённой работе командования по укреплению Ревельского порта и гавани. Через десять дней после первого донесения, 15 июля Б. И. Воронов уведомил графа Чернышева: «Пушек у меня теперь постановлено на гавани тридцать три, и все заряжены, но только людей нет, однако в нужном случае обер-комендант обещал мне дать на отдельную часть... Я скоро поставлю пять пушек своих двенадцатифунтовых корабельных, и лафеты к ним три уже сделаны из дубовых адмиралтейских лесов. На батарее, которая близ гавани, обещали мне поставить три мортиры». А ещё через десять дней Воронов доложил: «Сего июля 26 числа пополудни в 8-м часу пришел на Ревельский рейд бригантин С. Петр, командир на оном лейтенант Ознобишин, с пушками. По вводе того судна в гавань выгружу [пушки], и по способности их, которая в которое место годится, поставлю в гавань»²⁸.

27 июня 1788 г. адмирал С. К. Грейг, вышедший с эскадрой в море 23 июня на поиски флота противника, поставил в известность П. И. Пущина о получении именного высочайшего указа от 26 июня, на основа-

нии которого он отправил обратно с флота в Кронштадт «все сухопутные орудия и запасное оружие на транспортных вольнонаемных судах под начальством генерал майора Ивана Васильевича Боувера», вместе с сухопутными войсками. В том указе Екатерина II предписывала Грейгу: «По скоропостижному нападению нового неприятеля Нашего короля Шведского, когда вы флот его настигнете и оный остановить успеете, можно и с сухого пути дать ему сильнейший отпор, тем более, что войск его собрано в гораздо превосходном количестве». Императрица надеялась на военное искусство и ответственность С. К. Грейга перед государством, а также на то, что он вне сомнения разобьёт шведов, так как по причине войны с Турцией сухопутных сил на Балтике не хватало. Одновременно руководство Россией принимало меры непосредственно для защиты Кронштадта («его крепостей, мещан и жителей города») и Санкт-Петербурга, где находились главные системы государственного жизнеобеспечения: Монетный двор, банки, Адмиралтейство, местопребывание самой императрицы и членов императорской фамилии. Кроме брандвахтенных, выставили плавучие батареи, размеры которых составляли: 108 и 98 футов (32,92 м и 29,87 м) с 24-фунтовыми пушками, и 60 и 54 футов (18,29 м и 16,46 м) с 12- и 10-фунтовыми пушками. Комендант Кронштадта докладывал начальству: «Расписал батальоны обороны по всем крепостям, в разных местах по берегам сооружают батареи, но на них требовалось дополнительно 60 орудий от 24- до 30-фунтового калибра, двадцать больших мортир со снарядами и 213 человек канонир²⁹. Требуемые орудия доставили в Кронштадт уже в июле.

Наряду с обороной столицы, Кронштадта, акватории Финского залива, Выборга, Фридрихсгама, Ревеля и других пунктов важно сказать и на деятельности Архангельского порта, входившего в структуру Балтийского флота. Когда военная угроза со стороны Швеции стала очевидной, 8 июня 1788 г. последовал указ Екатерины II поторопиться с постройкой в Архангельске к будущей весне одного 74-пушечного, двух 66-пуш. кораблей и двух фрегатов. В указе особо оговаривалось: в случае недостатка адмиралтейских мастеровых «нанимать вольных необходимо нужное число», а в условиях возникшей военной опасности идти на отклонение от нормы и «употреблять леса, кои будут сырые, для верхних частей кораблей, так, чтобы оные просыхать могли». Другими словами, мастера получили право нарушать технологию заготовки и сушки корабельного леса, но не для изготовления корпусов, что было принципиально важно, а только верхних частей — рангоута (мачт, стеньг, реев) и дать им какое-то время для просушки.

После получения высочайшего указа выяснилось, что для постройки названного количества судов (пяти) и достройки уже начатых листовен-

ничного леса не доставало, поскольку его много пошло на предыдущее строительство, «а получить нынешним временем никаким способом неоткуда». Архангельское морское начальство — Главный командир порта вице-адмирал И. Я. Барш, капитан над портом И. А. Баскаков и корабельный мастер М. Портнов предложили закупить лес у местного купца Фёдора Лыжина, а рабочих людей нанять в количестве 1085 человек, «да сверх оных к подгаске лесов и очищению из кораблей щеп 100 человек». Сложность летнего сезонного времени состояла ещё и в том, что большая часть рабочих вольнонаёмных людей наиболее востребованных специальностей — кузнецов, блоковых мастеров, резчиков по дереву, конопатчиков были заняты на крестьянском хозяйстве, о чём вице-адмирал И. Я. Барш доложил в Санкт-Петербург.

На поиски купечества, согласившегося помогать флоту, много времени не потребовалось: объявились архангельские и вологодские купцы, которые вызвались строить с подряда один 66-пуш. корабль и три фрегата, но запросили за это слишком высокую цену, поэтому И. Я. Барш посчитал нужным согласовать это с Адмиралтейств-коллегией. Вице-президент коллегии И. Г. Чернышев ответил: по причине дороговизны обозначенной купцами цены императрица предписала строить все пять кораблей и четыре фрегата казёнными средствами на Адмиралтейской верфи Архангельска, а у купцов закупить часть материалов и леса для изготовления рангоута, на что выделила деньги³⁰.

Когда войска шведского короля Густава III без объявления войны вторглись в сопредельные с Россией территории, Екатерина II распорядилась задержать шведские торговые суда «в портах Санкт-Петербургском и Кронштадтском, отобрав у них рули», а всех подданных короля, включая команды с арестованных судов, выслать за пределы Российской империи. 1 июля 1788 г. в Финский залив к стороне Выборга и Фридрихсгама вышел отряд парусно-гребных судов под командой капитана 1-го ранга П. Б. Слизова для операций в шхерах. Отряд состоял из семи каек (малых судов) и двух так называемых северных судов (также малых судов под командой унтер-офицеров с 16 матросами и одним канониром) в качестве прикрытия и сопровождения. П. Б. Слизову поставили задачи оказывать содействие сухопутным частям под командованием В. П. Мусина-Пушкина, наблюдать за передвижениями шведского флота, пресекать высадки шведских десантов на побережье в районе Выборга («чинить препятствия покушениям на Выборгские берега»), защищать российские купеческие и военные конвои с продовольствием и припасами, которые будут приходить в Выборг³¹.

Флотилия капитана Слизова успешно выполнила боевые задачи. 3 июля он с упомянутыми судами подошёл к острову Рогелю в Выборг-

ском заливе и занял позицию, откуда направлял суда в крейсерство в заданные районы, в том числе к Фридрихсгаму, Берёзовым островам и Транзунду. По принятии в команду 356 человек Павловского батальона, в составе флотилии стало 716 человек вместе с морскими артиллеристами, а в сентябре, по возвращении в Кронштадт, она усилилась ещё шестью крупными галерами (20-, 22- и 25-баночными) и вновь вышла на боевое дежурство. В середине октября 1788 г. П. Б. Слизов направил рапорт в Адмиралтейств-коллегию об оставлении флотилии в составе 14 судов в Выборгской гавани на зимовку, где он распоряжался деятельно и рачительно, исправлял дефекты, выдавал командам положенное жалование: «Суда поставлены между Шлоса и Санкт-Каронской крепостью, — докладывал он. — Такелаж за неимением магазина убран в интрюймы. Пушки со станками на судне Осторожном положены в интрюйме же, а на галерах оставлены куршейные пушки в куршелях, да спущены фальконеты на низ, прочие же пушки со всех галер и со всех других судов сняты и положены на берег против казенного инженерного дома. Порох со снарядами бомбардирского катера свезен в городской погреб. На судах определил караулы из морских служителей, а на берегу для охранения оных же истребовал из армейских четыре: один у пушек и у малых судов, а прочие три для галер и Осторожного судна. Бывшие в Выборге пленных шведских пять судов отправил в Кронштадтский порт»³².

Ввиду опасности со стороны многочисленного армейского (гребного) флота шведов с крупнокалиберной артиллерией, 6 июля 1788 г. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин получил именной указ Екатерины II о защите северного фарватера и заграждении подходов к порту и к острову Котлин военными кораблями. А Иван Григорьевич Чернышев в личном письме просил адмирала С. К. Грейга «наказать дерзких и коварных неприятелей. Во Фридрихсгамской бухте, в которую думать надо, они теперь зашли, сделать подобное пожарище после Чесменской баталии, тогда бы и решился их жребий, как и турок в прошедшую войну». Чернышев прямо говорил, что «шведы забавляются около Фридрихсгама, к которому немалое число своего армейского флота привели» с целью бомбардировать и овладеть городом, поэтому просил Грейга уничтожить противника подобно тому, как в июне 1770 г. русский флот под командованием графа А. Г. Орлова сжёг турецкий в Чесменской бухте³³.

Когда Чернышев отправлял это письмо, он ещё не знал о произошедшем сражении эскадры С. К. Грейга со шведской под командованием герцога Карла Зюдерманландского. Выполняя предписания Екатерины II, Грейг упорно искал неприятеля и обнаружил шведский флот у острова Гогланд со стороны Свеаборга. После ожесточённого пятичасового сра-

жения шведы отступили к Свеаборгу, несмотря на перевес в артиллерии, а значит и преимущество в массе выбрасываемого металла в снарядах с одного борга. Русские корабли не смогли маневрировать и преследовать противника из-за сильно повреждённых парусов, перебитых снастей и рангоута. Исправив повреждения прямо в море, Грейг начал блокаду шведов. Сражение 6 июля 1788 г. у острова Гогланд стало первым крупным боевым делом россиян со шведами, в котором принял участие только один российский 100-пушечный корабль, а В. Я. Чичагов — наоборот, участия не принял и не соединился с Грейгом.

После сражения у острова Гогланда кронштадтское начальство регулярно отправляло к флоту транспортные суда с пушками, в основном 36-фунтового калибра, и с порохом, запасы которого быстро расходовались. Хорошим подспорьем Грейгу послужил привоз пороха на купеческих судах из Лиссабона в Кронштадт, после чего порох без промедления отправили к флоту, поскольку в планы Грейга входило повторное сражение. В архивной документации имеются ведомости доставленных ему из Кронштадта якорей, якорных канатов, кабельтов, верпов, адмиралтейских служителей для починки судов — корабельных подмастерьев, плотников, конопатчиков, откомандированных из порта на корабли; доставили и морской провиант на 2000 порций. Большую помощь флоту оказывало российское купечество: по приемлемым ценам поставляли на верфи Петербурга и Кронштадта мачтовые и дубовые деревья, железо, пеньку, смолу, продовольствие, сукно для пошива обмундирования и кожу для сапог. Например, дворяне Костромского наместничества направили в Адмиралтейство 300 человек своих крепостных, знавших плотническое ремесло, частные заводчики из Вологды привозили железо³⁴.

Обратим внимание и на финансовую сторону в вопросах снабжения и обеспечения флота, что в условиях военного времени являлось особенно важным. В течение всей кампании 1788–1790 гг. Екатерина II не подписала ни одного отказного документа по этой части, не отклонила сумм, предлагаемых коллегией или генерал-прокурором; исключение составляли лишь завышенные купцами-подрядчиками цены на строевой лес, и в тех случаях обходились казёнными средствами. Императрица безоговорочно утверждала сметы расходов на нужды флота, личного состава и госпиталей, о чём свидетельствует архивная статистика. Так, в сентябре 1788 г. Адмиралтейств-коллегия целевым назначением получила 200 тысяч рублей на ремонт повреждённых в сражении кораблей и пополнение различных «припасов»; 323 250 рублей на постройку малых и транспортных судов; свыше одного миллиона рублей на строительство и вооружение кораблей, в том числе 100-пушечных. Первая и вторая суммы предоставлялись одновременно, третья — двумя траншами. Ежегод-

но в ходе боевых действий из казны отпускалось около 384 тысяч рублей на «содержание служителей», то есть на полноценное питание и обмундирование матросов и на их содержание в госпиталях. По тем временам названные средства считались очень большими.

Недели через две после сражения у Гогланда граф И. Г. Чернышев представил великому князю Павлу Петровичу статистику по госпиталям: в трёх госпиталях на излечении находилось 3165 человек, умерших числилось 95 человек³⁵. Общее количество заболевших было значительно, но умерших не так велико, и Екатерина II неослабно лично контролировала прохождение лечения больных и раненых в госпиталях, динамику их выздоровления и рацион питания. В перечень основных вещей и провизии, поставляемых в госпитали и на госпитальные суда, входили: тёплые одеяла и халаты, холстина для перевязок, из провизии «сушеный хрен, крепкое русское пиво, вместо водки спирт, вместо клюквенного сока клюквенный сироп, вино белое португальское», сушеные яблоки, груши, вишня, чернослив и изюм, солёные лимоны в бочках, «куры, без соли сушеные в печи, аглицкая сухая горчица, перец цельный, имбирь, чеснок сушеный, лук сушеный, патока хорошая, капуста кислая»³⁶.

Несмотря на то, что в Гогландском сражении Грейг одержал над шведами решительную победу и сорвал их планы, включая блокаду русского флота в Кронштадте, всё же надо признать, что война на море не приняла у россиян наступательного характера и перешла в оборонительную. Не состоялось и повторного сражения, которого так искал Грейг, и от которого противник всячески уклонялся. Чтобы окончательно разбить ещё оставшегося сильным противника, Грейгу требовалось соединиться со второй балтийской эскадрой В. П. Фондезина, но сделать этого по вине последнего Грейгу не удалось.

Блокада Свеборга русскими судами продолжалась, и с наступлением осени противник начал испытывать острый недостаток в провианте и снабжении, личный состав заболел, но выйти из порта шведы не решались. В период блокады Свеборга С. К. Грейг предписал вице-адмиралу В. П. Фондезину, находившемуся с эскадрой в Копенгагене, выйти в море и приступить к блокаде Карлскруны: «Хотя нынешний ваш предмет должен быть блокадою Карлскрона, но необходимо надобно иметь крейсеров и в Каттегате у Дернеуса с превосходною силою тех трех шведских фрегатов, которые там находятся. И для того вы можете отрядить один из 66 пушечных кораблей, пришедших от города Архангельского под командою контр-адмирала Повалишина, еще два фрегата и английский катор под командою г. Кроуна для сего крейсерства»³⁷.

5 сентября 1788 г. В. П. Фондезин уведомил графа Чернышева о получении рескрипта императрицы выйти в море совместно с датскими суда-

ми, поэтому он со 100-пушечными кораблями и отрядом датских судов (два 70- и один 60-пушечных корабля, один фрегат) снялся с рейда Копенгагена и перешёл через мелководье, чтобы выйти в Балтийское море.

12 сентября к В. П. Фондезину подошёл посланный от С. К. Грейга фрегат «Брячеслав» с известием о попытке шведов прорваться из Свеаборга и приказом поспешить на соединение с Грейгом, чтобы дать противнику сражение и разбить его. Но Фондезин не выполнил приказа — как он объяснил, по причине сильного встречного ветра, помешавшего ему идти на соединение, и крейсировал у Карлскруны. Не сложно понять, какую мощную боевую силу составила бы объединённая эскадра, которую так долго и напрасно ожидал Грейг, но В. П. Фондезин предпочёл поступить иначе³⁸.

8 октября 1788 г. адмирал С. К. Грейг, будучи уже больным, получил рескрипт императрицы о завершении кампании по причине наступивших осенних штормов и холодов, и возвращении в порты. 15 октября Самуил Карлович скончался на своём флагманском корабле «Ростислав» — по неофициальной версии, в результате отравления шведами. 29 октября секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий оставил в дневнике важную запись: «Резолюция: послать в Данию курьера и велеть брать Готенбург, а Прусскому двору сказать, что нападение на Данию есть объявление войны России». Однако в тот же день, 29 октября, В. П. Фондезин уже совершил разгрузку трёх 100-пушечных кораблей для перехода через мелководье и вернулся обратно на Копенгагенский рейд на зимовку. В целом его совместный с датчанами отряд действовал неэффективно и ограничился крейсерованием у Карлскруны и захватом мелких торговых судов шведов. По этому поводу А. А. Безбородко в письме князю Г. А. Потёмкину-Таврическому напишет: «Наш вице адмирал Фон Дезин, имев в своей команде три стопушечные корабля, шесть других рангов и три датские корабля с 4 фрегатами и снабден быв точным повелением противиться неприятельскому входу в Карлскрону, по первым известиям, что принц Карл (главнокомандующий шведским флотом. — Г. Г.) собирается отправить шведский флот, учиня консилиум, решился заранее убраться в Датские порты»³⁹.

Более того, В. П. Фондезин отправил из Копенгагена в Кронштадт транспортное судно с пушками, даже не обеспечив ему охрану и положенного сопроводительного конвоя. Шведы захватили судно вместе с пушками, и когда это известие дошло до Санкт-Петербурга, А. В. Храповицкий лаконично высказался: «Ея Императорское Величество изволит замечать, что на транспортном судне шведами взято с лишнем сто пушек, но каким образом и зачем то судно из Копенгагена отправлено было, зная, что шведские фрегаты тут крейсируют, да взято в виду трех сто пушечных кораблей, бывших зрителями того?». Закончил Храповицкий

запись риторическим вопросом: «Повалишин был столь близок, что ему можно было доехать, взяв свои пушки в Копенгагене с судов транспортных, буде же шли к городу Архангельскому, то зачем их отпустили без конвоя? Возьмет ли в оном Адмиралтейств коллегия отчет с вице адмирала Фондезина?»⁴⁰ Отчёт этого адмирала не состоялся — не только коллегии, но и самой императрице.

Главными итогами кампании 1788 г. стали: 1. выигранное россиянами сражение под Гогландом и срыв плана блицкрига Густава III. 2. несостоявшиеся блокада шведами русских портов и Кронштадта и вторжение в Петербург. 3. после смерти адмирала Грейга, глубокой осенью шведский флот свободно перешёл из Свеаборга в Карлскрону. 4. по обоюдной вине В. П. Фондезина и союзной Дании не произошло важной и необходимой в условиях войны совместной операции против шведских портов Гётеборга и Карлскроны с целью уничтожения тыловых баз противника. 5. адмирал В. Я. Чичагов в кампании участия не принял («сказался больным») и прибыл в Ревель только 15 декабря 1788 г.⁴¹

На кампанию 1789 года Екатерина II назначила В. Я. Чичагова главнокомандующим Балтийским флотом — вопреки желанию большинства флагманов и капитанов видеть на этой ответственной должности вице-адмирала А. И. фон Круза. К весне 1789 г. базирование Балтийского флота разделялось на Ревель, Кронштадт и Копенгаген. В Ревеле находилось десять кораблей, из них один 100-пушечный, в Дании — одиннадцать, в том числе три 100-пушечных, в Кронштадте шесть, резервных десять, включая довооружавшиеся и достраивающиеся. Всего на Балтике Россия располагала 46 кораблями⁴².

В марте Екатерина II направила в Копенгаген контр-адмирала Т. Г. Козлянинова с предписанием привести зимовавшие там корабли и фрегаты в Россию на соединение с главными силами флота. Понимая, однако, что эта эскадра вряд ли сможет безопасно пройти Карлскрону, где стоял шведский флот, Екатерина II рекомендовала Козлянинову держаться от Карлскруны на безопасном расстоянии до тех пор, пока не подойдут обе балтийские эскадры. И тогда соединённый флот ударит на шведский и поставит его в два огня. В случае, если противник уже покинул главную базу и пошёл к Финскому заливу, то Козлянинову следовало идти за ним, стараясь соединиться с обеими российскими эскадрами⁴³. Ревельская эскадра поступала под командование адмирала В. Я. Чичагова, кронштадтская — контр-адмирала А. Г. Спиридова. Командующим резервной эскадрой для защиты Финского залива императрица назначила вице-адмирала А. И. фон Круза.

Оборонять Финский залив назначалось пяти кораблям — одному 100-пушечному, одному 74-, трём 66- и двум фрегатам. Рассчитывая

на скорое вступление в строй судов архангельской постройки, 11 января 1789 г. главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин адресовал Адмиралтейств-коллегии предложение: «Еще вооружа, иметь в запасе пять 66-пушечных кораблей. Приготовить из пленных шведских судов, которые более надежнее для помещения орудий и подвозки провиантов, а буде надобно, и войск». П. И. Пущин проинформировал, что для подвоза провианта в Ревель он подготовил 15 судов общей грузоподъемностью 135 840 пудов, в основном шведских арестованных судов, которые также будут перевозить войска и артиллерию. Той зимой на флоте ощущался недостаток старослужащих опытных матросов, поскольку, по словам Пущина, многие «за дряхлостью и старостью на море быть не способны». Например, для укомплектования команд требовалось 625 человек, но недоставало 140 человек, но Пущин рассчитывал на рекрутские партии новобранцев, которых успеют обучить в течение весенних месяцев. В документе встретилась запись: перед началом боевых действий на 32-пушечный фрегат «Брячеслав» добавили артиллерию, увеличив количество пушек до 44: 24-фунтового калибра поставили 28, 6-фунтового — 16⁴⁴. Сведение действительно важное, поскольку позволяет сделать вывод о хороших прочностных характеристиках этого фрегата, который мог нести 44 орудия.

28 марта Екатерина II направила Адмиралтейств-коллегии указ: выделить «сухопутный провиант с июля прошлого 1788 г. по июль месяца нынешнего года двести тридцать тысяч триста девяносто рублей восемьдесят одну копейку с половиною, да на морскую провизию для наступающей кампании на шестимесячное время семь сот сорок четыре тысячи восемь сот осмнадцать рублей тридцать три копейки, и сверх того на заплату за заготовленный в продолжение минувшей кампании для употребления во флоты больным служителям провиант, сверх штатных двадцать одну тысячу пять сот двенадцать рублей шестьдесят три копейки с четвертью... А всего миллион пятнадцать тысяч семнадцать рублей. Генералу прокурору князю Вяземскому отпустить в Адмиралтейскую коллегию из Государственных доходов». Только на медицинские нужды флота — «лекарства, хирургические инструменты, посуду «и разные аптекарские припасы» предназначалась сумма расходов в 109 тысяч 440 рублей⁴⁵.

Стоит особо обозначить важный факт: в 1789 г. под командование адмирала Чичагова поступила значительная боевая сила — 20 линейных кораблей. Екатерина II предписывала ему соединиться с контр-адмиралом А. Г. Спиридовым, чтобы шведы не смогли разбить их по частям, затем возобновить боевое дежурство и вооружённый пост у мыса Гангут и поспешить с выходом на соединение с эскадрой Т. Г. Козлянинова. Импера-

трица обращалась к Чичагову: «Желательно, чтобы означенная эскадра могла с вами соединиться прежде дела с неприятелем, или же, шествуя по его следам, поставить его между двух огней»⁴⁶. В высочайших инструкциях подчёркивалось: Чичагов должен успеть соединить главные силы флота до прибытия шведов в Финский залив, затем спешно следовать на соединение с эскадрой Козлянинова, и только после этого позволить шведскому флоту выйти из Карлсруны и дать ему генеральное сражение. Но этих приказов В. Я. Чичагов не выполнит и генерального сражения шведам не даст.

Из делопроизводственной документации графа И. Г. Чернышева под названием «Записная книга» явствует, что Ревельский рейд освободился ото льда 28 апреля, а 4 мая 1789 г. В. Я. Чичагов вывел корабли⁴⁷. Простояв десять дней, он устроил депутатский смотр, совершенно ненужный и нецелесообразный в тех условиях. В личном журнале он записал: «15 числа при юго восточном маловетрии получен от штурмана, в Балтийском порте находящегося, репорт, что он видел с 3 по 11 число сего мая лавирующих со стороны Гангута 16 судов, которые как днем, так и ночью делали пушечные выстрелы. По чему тогда же отправил я отряд, состоящий из одного корабля, одного фрегата и одного коттера под начальством капитана 2 ранга Шешукова»⁴⁸. Но с какой целью В. Я. Чичагов направил в тот район малочисленный отряд, когда в целом обстановка была ясна, все инструкции получены и оставалось только проявить инициативу и действовать, решительно атаковав противника.

Тем временем 14 мая 1789 г. Екатерина II адресовалась к И. Г. Чернышеву: «В уважение надобности во флоте артиллерийских снарядов и балласте, доставление которых с заводов с тою поспешностью, как сего требуют военные обстоятельства, подвержено затруднению, повелеваем первое: имеющиеся в Кронштате в негодных и ненадежных прежнего литья пушках и в других вещах чугуна перелить в кипели, бомбы, гранаты, брандскутели, дробь и балласт, чего для построить в Кронштате соответственное прямой надобности число воздушных печей... употребив на то деньги из суммы на действие Александровского пушечного завода отпущенной»⁴⁹. Весной 1789 г. в Кронштадте шло строительство «плавильной воздушной печи», и граф Чернышев рекомендовал П. И. Пущину переплавить весь непригодный чугун на снаряды. В переписке Пущин посетовал, что завершать постройку печей просто некому, так как все работники заняты на подготовке флота к кампании или же больны, поэтому Чернышев рекомендовал нанять вольных, что Пущин и сделал.

Тем временем прошла ещё неделя стоянки на рейде, и 20 мая 1789 г. В. Я. Чичагов, уже точно зная о свободном передвижении флота шведов по Финскому заливу, невозмутимо информировал графа Чернышева:

«Здесьняя эскадра еще на рейде, а потому военное морское правило требует иметь крейсирующие или разведывающие суда, что от меня и исполнено посылкою господ капитанов Тревенена к Гангуту, а Шешукова к Швеабургу, придав к кораблям их по одному фрегату и по два малых суден на случай о присылке о разведываниях своих»⁵⁰.

Главкомандующий вывел флот в море только тогда, когда шведы уже беспрепятственно передвигались по Финскому заливу. А июле 1789 г. этот адмирал фактически проиграл сражение у острова Эланд. Он не выполнил указа Екатерины II о соединении с эскадрой контр-адмирала Т. Г. Козлянинова и тем самым упустил возможность соединёнными силами разбить шведский флот, позволив ему уйти к своим портам. Упомянувшийся историк В. Ф. Головачёв недоумевал: почему Чичагов после получения высочайшего указа «провёл целый май месяц в бездействии, и только 29 числа стал спрашивать у Безбородко, что ему делать дальше, когда имел уже с 31 марта указание — спешить на соединение с Козляниновым?»⁵¹. Наверное, другие историки тоже не найдут ответы на эти и другие вопросы, связанные с поступками В. Я. Чичагова в Русско-шведской войне 1788–1790 гг. и с игнорированием высочайших приказов.

Адмирал Чичагов встретил шведов 14 июля 1789 г. у острова Эланд, но не атаковал их, а с двух часов пополудни и всю ночь на обратном северном курсе выжидал нападения и не предпринял мер для того, чтобы отрезать отступление противника к Карлскруне. Чтобы начать сражение, Чичагову было достаточно дать сигнал флоту совершить поворот на правый галс и в шахматном порядке, стараясь держаться сомкнуто, идти на сближение с противником. Но русский адмирал позволил шведскому командующему на следующий день взять инициативу и атаковать русский флот. Более того, Чичагов не воспользовался благоприятной для себя переменной ветра, не занял более выгодную позицию и не вынудил противника вступить в сражение. Главная цель маневрирования Карла Зюдерманландского состояла в том, чтобы не позволить русским отрезать его флоту путь в Карлскрону, что принцу Карлу и удалось.

Вот как о тех событиях Чичагов доложил И. Г. Чернышеву: «Отправляясь в Балтийское море со флотом в числе двадцати линейных кораблей, шести фрегатов, двух бомбардирских, двух коттеров, двух госпитальных и трех транспортных судов, и прошед остров Готланд, 14 числа прошедшего июля встретился с неприятельским флотом под предводительством самого герцога Сюдерманландского, в числе 20 кораблей, 11 фрегатов, в котором числе были два двухдечные, да шести мелких судов и одномачтовых коттеров. На другой день, то есть 15 числа, был я атакован от него в числе тридцати поставленных в линию кораблей и фрегатов. Отразил, без видного вреда вверенному мне флоту, кроме что корабль «Дерись»

от разрыву своих трех пушек весьма много поврежден, так что принужден был отправить в Ревель для починки. После сражения, продолжающегося особенно между авангардиями неприятельскою и нашею около шести часов, неприятель на другой день начал уклоняться от меня». В следующем донесении Чичагов добавил: «Неприятель отрядил 7 кораблей, чтоб бить конец нашего правого фланга», а потом представил собственноручно подписанную Ведомость с указанием количества выстрелов, сделанных с каждого линейного корабля⁵².

Анализируя рапорт адмирала, историки вправе задаться вопросом: а почему главнокомандующий не оказал помощи и не подкрепил свой правый фланг, заметив, что этот фланг атакуют семь шведских кораблей? В том сражении соотношение сил россиян примерно равнялось с противником и, кроме того, шведы не имели в составе своего флота кораблей 100-пушечного ранга с тремя закрытыми орудийными батареями, а в распоряжении Чичагова их имелось три — «Ростислав», «Дву-на-десять Апостолов» и «Святой Равноапостольный Князь Владимир». Более того, русский главнокомандующий, судя по его донесению в Петербург, издавля (скорее всего, от страха) принял шведские тяжёлые фрегаты, о которых упомянуто выше, за двухдечные (!), чего вообще никак не могло произойти. Фрегаты имели только одну орудийную батарею (один закрытый дек), что подтверждал в своём труде шведский классик кораблестроения Ф.-Г. Чапман, и в этом деке стояли крупнокалиберные 24-фунтовые пушки. На открытой палубе на период боевой кампании шведы ставили 12-фунтовые орудия.

Далее, после внимательного знакомства с «Ведомостью» о количестве выстрелов, также напрашивается вопрос: почему флагманский В. Я. Чичагова 100-пушечный «Ростислав» сделал всего 20 выстрелов, когда по всем правилам боя корабль командующего флотом должен находиться в центре боевой линии, то есть кордебаталии. Почему командующий не подошёл к шведам на ближние дистанции, как полагалось вести бой? С других кораблей было сделано от 500 до 2300 выстрелов, а больше всего с корабля «Дерись» — 2892. В ходе исследования выяснилась важная деталь: в РГАВМФ, равно как и в других федеральных архивах, отсутствует вахтенный журнал «Ростислава» в Эландском сражении. А вот на 1788 г., когда «Ростислав» был флагманским С. К. Грейга, журнал имеется, и в нём отражён ход Гогландского сражения. В другой «Ведомости», переданной Чичаговым в Адмиралтейств-коллегию и датированной 16 августа 1789 г., то есть через месяц после сражения у острова Эланд, представлены сведения о повреждениях кораблей и количестве убитых и раненых (убитых — 34, раненых — 170), но отсутствуют такие же данные по «Ростиславу». В вахтенных журналах чётко показано, что русский

авангард под командованием контр-адмирала А. Г. Спиридова оказался в эпицентре боя и принял на себя массированный огонь противника, а капитан Г. И. Муловский — внебрачный сын Ивана Григорьевича Чернышева, был убит, о чём Чичагов также сообщил Чернышеву.

О сражении у острова Эланд и о свободном уходе шведов в Карлскруну в Санкт-Петербурге узнали 6 августа. При этом адмирал Чичагов доложил о «неудобности сделать поиск флотом на Карскруну», и что он не стал отряжать отдельный отряд «для разорения неприятельской торговли за Зундом». Секретарь императрицы А. В. Храповицкий отметил в дневнике: «Замечено, что не хотел сам Чичагов драться, желая лучше охранить берега Лифляндские, хотя ему точно предписано искать и атаковать неприятеля», а Екатерина II обратилась к своим сотрудникам: «Из полученных реляций Адмирала Чичагова видно, что шведы атаковали его, а не он их. Что он с ними имел перестрелку, что на одной потерял капитан бригадирского ранга и несколько сот прочих воинов без всякой пользы империи. Что, наконец, он возвратился к здешним водам, будто ради прикрытия залива Финского. Я требую, чтоб поведение адмирала Чичагова в Совете сличено было с данною ему инструкцией и мне рапортовано за подписанием Совета, выполнил ли выше помянутый Адмирал инструкцию, ему данную за Моим подписанием, или нет, дабы Я могла взять надлежащие меры»⁵³. Брать надлежащие меры, она, однако, не стала. Более того, по неясным до сих пор причинам адмирал В. Я. Чичагов не только не дал никаких объяснений по поводу своих действий, но и вообще избежал ответственности.

В заключительной и решающей кампании 1790 г. под начальством В. Я. Чичагова также поступила мощная боевая сила в количестве 20 линейных кораблей, из них семи 100-пушечного ранга, вооружённых 36-фунтовыми пушками в нижних батареях. За счёт этого русский Балтийский флот по суммарной силе бортового залпа значительно превосходил шведский, в составе которого 100-пушечных кораблей не имелось, однако в сражении у Красной Горки в мае 1790 г. Чичагов намеренно участия не принял и не оказал поддержки второй эскадре под начальством А. И. Круза. Пока личный состав этой героической эскадры мужественно выдерживал тяжёлое сражение, главнокомандующий флотом отставался на якорях у острова Нарген, держал там свежую, не задействованную в бою эскадру. В письме вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву А. И. Круз сдержанно упомянул об этом — на его взгляд — совершенно неприемлемом на войне факте: «Странно и непостижимо для меня, что гос. адмирал Чичагов по сие время не идет ко мне на помощь. Вот уже четыре дня, что я сражаюсь и благодарю Бога за успех, но войску становится уже весьма тягостно»⁵⁴.

К весне 1790 г. статистика по флоту оказалась не вполне благополучной⁵⁵. На основании полученной статистики Кабинет Екатерины II принял срочные меры. И. Г. Чернышев доложил императрице, что ко флоту отправлена дополнительная партия матросов, а известный доктор А. Г. Бахерахт выехал в госпитали Кронштадта и Ораниенбаума, чтобы лично осмотреть нижних чинов, проследить за ходом их лечения и выписать тех, кто уже выздоровел и сможет выйти в море. Положение дел поправили и действия Адмиралтейств-коллегии в отношении лечения рекрут, которые следовали в Санкт-Петербург и Кронштадт из российских губерний: Симбирской, Вятской, Казанской. Так, 7 мая 1790 г. Новгородское наместничество уведомило коллегию, что в Тихвине осталась партия рекрутов, следовавших из Вятки с прапорщиком Фрыгаловым. По распоряжению Екатерины II, для выяснения обстановки коллегия направила в Тихвин капитана Тарасова и лекаря Юскевича, которые доложили в Коллегию, что «из числа означенной партии рекрут в 539 человек умерших 148, бежавших 10, больных в лазарете 181, а остальные 200 человек 23го числа апреля отправлены с прапорщиком Фрыгаловым в Петербург, а больные находятся в не опасных болезнях». Лекарь Юскевич принял меры для лечения заболевших, а вскоре по личному распоряжению императрицы в Тихвин к капитану Тарасову поступили деньги с приказанием «в скорейшем пользовании больных обще с лекарем приложить крайнее старание, употребляя лекарства и другие вещи, какие по искусству того лекаря надобны будут»⁵⁶.

В решающей 1790 г. кампании россиян со шведами из-за бездействия главнокомандующего флотом кабинет Екатерины II вынужден был окончательно признать войну оборонительной, и главной задачей поставил не допустить шведов в Финский залив. Но адмирал В. Я. Чичагов проигнорировал все высочайшие предписания и рескрипты и не только допустил противника к российским берегам, в частности к Ревелю, но и позволил шведскому флоту свободно перемещаться как в Финском, так и в Выборгском заливах. Адмирал занял выжидательную позицию и не торопился с выходом на поиски противника. В течение всего апреля 1790 г. он докладывал в Зимний дворец, что «флот В. И. В. со всем его экипажем в совершенной готовности к выходу на рейд, но удерживают оный в гавани переменные крепкие северо-восточные ветры». Затем уведомлял о выходе кораблей на рейд, но с моря иногда «наносит льды», хотя Ревельский рейд очистился ото льда ещё 16 марта, и эскадра могла свободно выходить в море на соединение с кронштадтской. Море для шведов осталось свободным, и королевский флот беспрепятственно подошёл на вид Ревеля.

После того, как главные силы шведского флота оказались в Выборгском заливе, В. Я. Чичагов объявил об их блокаде. Нет сомнения — бло-

када запертого в портах флота противника рассматривалась как одна из эффективных мер борьбы с ним и, как правило, заканчивалась его разгромом при попытке прорыва в открытое море. Таких примеров из военно-морской истории множество, а к классическим относится блокада английскими эскадрами французских и испанских портов в Атлантике и в Средиземном море, в результате чего происходили сражения или уничтожение главных сил противника.

В случае под Выборгом в планы В. Я. Чичагова не входило ни то, ни другое. Главнокомандующий длительное время не предпринимал никаких действий против флота противника, запертого в Выборгской губе, объясняя это тем, что он мерит глубину или ветер ему неспособный, и такая постановка вопроса является примитивной отговоркой и нежеланием уничтожать шведов. Имевшиеся в распоряжении Чичагова корабли 100-пушечного ранга специально проектировали с учётом их будущей службы в водах Балтики, рассчитав водоизмещение, нагрузку, артиллерийское вооружение и т. д. Другую часть 100-пушечных кораблей проектировали уже с учётом операций в Средиземном море и, следовательно, с иными тактико-техническими элементами. Поэтому говорить о намерении Чичагова сберечь корабли означает оправдать его в неприменении сил флота по прямому назначению для решения оперативно-тактических задач на театре военных действий. Стоит заметить, что в Великобританском королевском флоте подобные действия расценивались как преступление и государственная измена, и виновный начальник эскадры подлежал суду и расстрелу на шканцах корабля.

Подводя итоги действиям В. Я. Чичагова, особенно в решающем сражении под Выборгом 22 июня 1790 г., когда этот адмирал предоставил шведам свободный коридор и выпустил их флот вместе с королём из Выборгского залива, современные историки пишут: за подобные поступки в такой морской державе как Англия В. Я. Чичагова непременно ожидал бы военный трибунал и смертный приговор⁵⁷. Это высказывание достойно солидарности. Однако вопреки всему с Чичаговым произошла сказочная метаморфоза: вместо трибунала именно он, а не адмирал Ушаков, получил высший военный орден Святого Георгия 1-го класса и стал единственным из моряков кавалером этой степени.

Кампания на суше и на море стоила империи колоссальных финансовых и людских затрат.

После завершения кампании со Швецией обе державы подписали мир на условиях довоенного status-quo, по которым Россия не получила ни пяди земли, ни рубля контрибуции, ни каких-либо других территориальных или денежных приобретений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 15. СПб., 1881. С. 609.

² Чапман Ф.-Г. Опыт теоретического разсуждения о удобнейшем образовании и надлежащей величине линейных кораблей, а равномерно фрегатов и других меньших военных судов. СПб., 1836. С. 116–117.

³ Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. S. 548–549.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ) ИДД МИД РФ. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации). Швеция. 1786–1788 годы. Оп. 6 / 2. Д. 505. Л. 27–27 об., 43–43 об.

⁵ Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. S. 346–351.

⁶ Подробнее об этих событиях: Гребенщикова Г. А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Т. 1. СПб., 2012.

⁷ Из перлюстрированной корреспонденции: АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации). Швеция. 1786–1788 годы. Оп. 6 / 2. Д. 505.

⁸ Там же. Д. 507. Л. 90, 149.

⁹ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 227. Оп. 1. Д. 50. Л. 61.

¹⁰ Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 46. Л. 71.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 323.

¹² АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 391. Л. 68–68 об.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 60. Л. 41. Генерал-адмирал Павел Петрович — адмиралу С. К. Грейгу, 5 мая 1788 г.

¹⁴ Там же. Л. 46. 14 мая 1788 года.

¹⁵ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 323, 333. Решения Совета при Высочайшем Дворе от 25 мая 1788 года.

¹⁶ Там же. Л. 360 об.

¹⁷ Там же. Л. 374.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 347. Л. 5–6.

¹⁹ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 391 об. — 392, 394–399.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 395 б. Л. 15.

²¹ Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. Т. 1. СПб., 1871. С. 31, 94–95.

²² Материалы для истории Русского флота (далее: МИРФ). СПб., 1886. Ч. XIII. С. 259–260.

²³ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 51. Л. 247.

²⁴ Там же. Ф. 212. Канцелярия, 2 отдел. Д. 653. Л. 33–59; Д. 175. Л. 12–13.

²⁵ В Средиземное море:

100-пушечные «Трех Иерархов», «Чесма», «Саратов» [помета Пущина: «Июня 5 числа пошли в путь»]

74-пушечные: «Ярослав», «Владислав», «Елена», «Мстислав», «Всеслав», «С. Петр», «Кир Иоанн»

66-пуш: «Вышеслав», «Родислав», «Болеслав», «Мечеслав», «Изяслав», «Победоносец» — госпитальный

Фрегаты 32-пуш: «Возьмислав», «Подражислав», «Надежда Благополучия», «Слава»

38-пуш: «Брячеслав»

Бомбардирские «Победитель», «Страшный»

Транспортные суда: «Холмогоры» — госпитальное, «Смелый», «Соловки», «Турухан», «Сокол», «Хват», «Удалой»

В здешнее море [на Балтике]:

100-пушечный «Ростислав», 74-х «Иоанн Богослов», 66-пуш. «Память Евстафия», «Виктор», «Дерись» [«Из города Архангельского 74-пуш. Александр Невский, № 8, № 9, 66-пуш. Северный Орел, № 75]

Фрегаты 26-пуш: «Гектор», «Мстиславец» 42-пуш, «Ярославец», 20-пуш «Марк», «Проворный». [«Из города Архангельского Архангел Гавриил»]. (РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 344. Л. 22–24. Там же. Д. 367. Л. 40).

²⁶ Там же. Д. 395 б, Л. 29 об. Там же. Д. 396. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 367. Л. 202, 212–212 об.

²⁸ Там же. Д. 347. Л. 14–16, 31 об., 28 об., 33, 54 об.

²⁹ Там же. Д. 344. Л. 31, 49, 93–93 об. Там же. Д. 367. Л. 24.

³⁰ Там же. Д. 371. Л. 3–5, 37, 103.

³¹ Там же. Д. 396. Л. 22.

³² Там же. Д. 365. Л. 5, 39, 61.

³³ Там же. Д. 396. Л. 29, 36. Письмо от 9 июля 1788 года.

³⁴ Там же. Д. 344. Л. 129, 149, 324–325, 327, 340. Там же. Д. 395 б. Л. 39 об., 90 об. — 91 об.

³⁵ Там же. Д. 395 б. Л. 49 об.

³⁶ Там же. Д. 395 б. Л. 59, 84, 101. Там же. Д. 349. Л. 30. Там же. Ф. 212. Канцелярия, 2 отдел. Д. 487. Л. 34–35.

³⁷ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 8.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 353. Л. 28, 34–35, 36 об.

³⁹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Тип. Академии Наук. Т. 26. С. 302–303 (А. А. Безбородко — Г. А. Потёмкину, 23 ноября 1788 г.)

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 390. Л. 34. Копия с записки А. В. Храповицкого. Без даты.

⁴¹ Там же. Ф. 212. Канц. 2 отд. Д. 185. Л. 1, 47, 48.

⁴² Там же. Д. 372. Л. 5–5 об. Из всеподданнейшего доклада И. Г. Чернышева.

⁴³ МИРФ. Ч. XIII. С. 501–502. 23 марта 1789 г.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 345. Л. 3, 73.

⁴⁵ Там же. Ф. 212. Канц. 2 Отд. Д. 477. Л. 13, 40.

⁴⁶ Цит. по: Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. С. 98.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 398. Записная книга графа И. Г. Чернышева. Л. 25.

⁴⁸ Отдел рукописи Библиотеки академии наук (далее: ОР БАН). Ф. 34. 7. 16. Л. 9–9 об.

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Канц. 2 Отд. Д. 477. Л. 29.

⁵⁰ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 351. Л. 85.

⁵¹ Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. С. 127.

⁵² РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 351. Л. 85, 105–105 об., 107 об., 180, 231–233.

⁵³ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 9. Л. 78 об. — 82.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 352. Л. 240–240 об., 248 об. Край документа с указанием даты оторван.

⁵⁵ Согласно «Генеральному Табелю», на начало апреля в Балтийском флоте числилось:

капитанов — 53. Из них 22 «в кампании быть не могут».

капитан-лейтенантов — 89. Из них 59 «в кампании быть не могут».

лейтенантов — 262. Из них 162 «в кампании быть не могут».

мичманов — 197. Из них 170 «в кампании быть не могут».

штурманов — 138. Из них 81 «в кампании быть не могут».

шкиперов — 69. Из них 28 «в кампании быть не могут».

лекарей — 35. Из них 30 «в кампании быть не могут».

подлекарей — 102. Из них 50 «в кампании быть не могут».

боцманов — 128. Из них 53 «в кампании быть не могут».

тимерманов — 29. Из них 10 «в кампании быть не могут».

матросов — 20859. Из них 10117 «в кампании быть не могут», а 1693 — «в госпиталях за болезнию».

Солдатских команд — 7091. Из них 3160 «в кампании быть не могут», а 550 — «в госпиталях за болезнию».

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 189–190.

⁵⁷ Созаев Э., Махов С. Все переломные сражения парусного флота. М: Эксмо, 2012. С. 100.

ЛИТЕРАТУРА

Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. Т. 1. СПб: Тип. Морского министерства, 1871. 290 стр.

Гребенищикова Г. А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Т. 1. СПб: Остров, 2012. 511 стр.

Материалы для истории Русского флота (МИРФ). СПб: Тип. Морского министерства, 1893. Часть XIV. 633 стр.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб: Тип. Императорской Академии Наук. Т. 15. СПб., 1881. 712 стр.

Созаев Э., Махов С. Все переломные сражения парусного флота. М: Эксмо, 2012. 382 стр.

Чапман Ф.-Г. Опыт теоретического разсуждения о удобнейшем образовании и надлежащей величине линейных кораблей, а равномерно фрегатов и других меньших военных судов. Перев. с франц. СПб: Тип. Морского Министерства, 1836. 180 стр.

Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. 650 s.